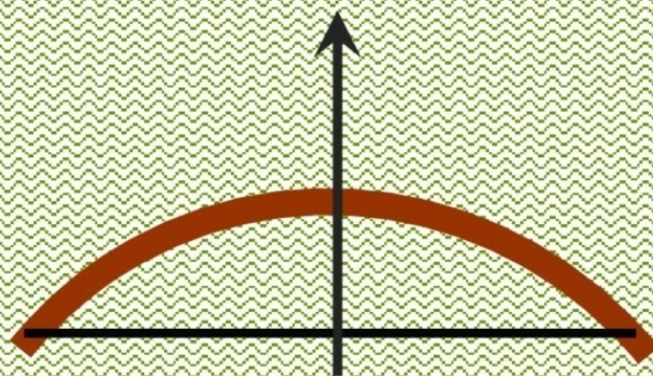

Дан Берг

Царица
Аталья

18+

Дан Берг
Царица Аталья

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Берг Д.

Царица Аталья / Д. Берг — «ЛитРес: Самиздат», 2020

"Царица Аталья" - одна из повестей цикла Библейских историй. В книге описана глубокая древность - приблизительно 9 век до нашей эры. Читатель станет свидетелем кровавой борьбы за власть и веру. Любовь и верность идут рука об руку с ненавистью и изменами. Автор представляет образ легендарной иудейской царицы Атальи иначе, чем это делается в канонической религиозной трактовке. Настоящая повесть является свободной интерпретацией Библейского предания.

Дан Берг

Царица Аталья

Предисловие

В повести описаны события, предположительно имевшие место в земле Ханаанской в 9 веке до нашей эры. В еврейской истории это был период двоецарствия: Израиль – северная монархия, и Иудея – южная. Содержанием жизни правителей – основных персонажей произведения – помимо неизбежных страстей человеческих, была жестокая борьба за победу иудейской веры над язычеством.

Основным источником, доставляющим сведения о царице Аталье, главной героине повести, является Библия. В целом еврейские и христианские вероучители не слишком щедро одарили вниманием Аталью.

Настоящая повесть является свободной интерпретацией Библейского предания. Автор произведения на сюжет из древности имеет известные преимущества как перед историком, так и перед толкователем Священного Писания. В отличие от первого, сочинитель не обязан искать истину – смело и, не смущаясь, он создает ее сам. Не в пример второму, связанному догматами своего религиозного братства, беллетрист не опутан цепями лояльности.

В художественной литературе Аталья фигурирует мало. В 17 веке французским драматургом Жаном Расиным была написана трагедия “Гофолия” – христианское имя Атальи. Менее известна сочиненная в 18 веке на иврите драма голландско-еврейского поэта Франко Мендеса под названием “Месть Атальи”.

В музыке имя Атальи запечатлено в оратории Генделя (18 век) и в оратории Майра (19 век). С намерением увеличить скромный список увековечений имени царицы, небеса приняли в свой пантеон память о ней – немецкий астроном Вольф назвал Атальей открытый им астероид.

Имена героев употреблены в том виде, в котором они фигурируют в первоисточнике на иврите. Имя первосвященника храма изменено. Имеются вымышленные автором персонажи.

Глава 1 Детство кончается сватовством

1

Заурядное неведение наущает нас называть детство безоблачным. Подобно изобретенному для себя раю, люди придумали счастливые годы для малолеток своих.

Видит взрослый, как на жизненном его небосводе клубятся липкие облака забот, или тревоги чернятся тучами, а птенцам и горя мало – они под крылом, и не им отбиваться. Взвалив на себя тяжкий труд борьбы, человек избавляет от него чада свои, и посему мнит, будто жизнь ребятни обязательно счастлива и ничем не омрачаема.

Есть в такой догадке зерно истины, но не помещается в одном зерне вся истина. Детство – это самая трудная пора, ибо беззащитность и слабость родят в неокрепшей душе страхи, о которых не подозревает родитель.

Царевна Аталья росла во дворцах. В столичном Шомроне высился главный оплот царства Израилева. Слоновой костью изукрашены были могучие каменные стены. Девочка любила

подолгу разглядывать причудливые узоры, вырезанные на желто-белой тверди бивней, вделанных в кладку. Она мысленно продолжала линии, и они сплетались то в лесных зверей, то в небесных птиц. Творение художника содержит больше, чем оно изображает, и созерцающий воображением своим дополнит скрытое.

Изевель, родительница Атальи, бывало, застанет дочку за мечтательным этим занятием, встанет за спиной ее, погладит по голове и заведет разговор.

– Глаз не оторвать! Правда, Аталья?

– Конечно, матушка!

– Что привиделось тебе?

– Вот змея обернулась вокруг камня. А вон орел – сейчас сложит крылья, ринется вниз и схватит ее!

– Я молоденькой девушкой во дворец этот пришла. Все не могла на чудо расписное налюбоваться! Теперь уж реже стены разглядываю, твой черед настал.

– А почему братики мои красоту не примечают?

– Йорам – карапуз еще. А Ахазья хоть и старше тебя на год, а не солидно ему завитушками ум занимать – мужской гонор в нем уж созрел. Раньше или позже он на трон усядется. Ему о великом думать пристало – о войне, об отечестве, о вере. Мала ты, подрасти и поймешь.

– Жарко сегодня, матушка!

– Посиди у пруда, там прохладнее. Можешь и ноги в воду окунуть. Только рыбок отцовых не обидь. Знаешь ведь, как он любит смотреть на мелькание спинок золотых!

Аталья уселась на каменный берег пруда, разогнала маленькими своими ножками фавориток венценосного родителя и принялась размышлять. “Дворец этот построил дедушка Омри. Он сейчас царь. Он старый, и трудно ему править. Помогает ему отец мой Ахав, сын дедушкин. Они редко дома бывают – всё войны да битвы у них. Красу дворцовую не видят. А когда приезжают, то и не смотрят. Помню, говорила мать, что слоновая кость им для хвостовства нужна – наслаждаются завистью соседних владык. Странно, однако. Вырасту и пойму!”

2

Братья и отец не слишком почитали Аталью, хотя и любили. Ахазье и Йораму подрастающая царевна была по душе непритязательностью пола. Она не соперница и на корону не посягнет. А меж собою отроки хоть и ладили, но сестра все же примечала, как Ахазья порой с подозрением косился на младшего Йорама, а у того нет-нет да и мелькнет зависть в глазах. Время, однако, покажет, что не случилось меж братьями греха войны, и обоим выпало взойти не престол. Это произойдет в будущем, а пока сошел в могилу израильский царь Омри, дед Атальи, и Ахав, отец ее и сын покойного, принял владычество.

Грозный и добрый царь Ахав глядел на дочку с умилением – из его же семени прелестница выросла! И еще он думал, что очень пригодится ему юница, когда настанет время замужества. Ведь невеста, если правильно распорядиться ее судьбой – и дар, и товар, и залог. Ахав

видел в Аталье повторение ее матери: нрав строптивый, желает на своем поставить. Монарх любил потакать супруге – пусть думает, что и она сопричастна к владычеству. К тому же он признавал, правда, не вслух, но в глубине души, что женские советы необязательно бестолковы.

Изевель обожала мужа, хоть сердилась на него за покладистость, подозревая снисхождение. Ей хотелось доказательных побед, а не великодушных уступок. Кротость сберегает статус-кво, но не бывает искренней, ибо противоречит природе. Впрочем, Изевели не пристало жаловаться на малость влияния в государстве Израильском. Слишком часто Ахав покидал родные стены, подолгу воевал на чужбине, а она тем временем держала в руках кормило, не возлагая корону на голову.

Иноплеменное происхождение Изевели оставило свой глубокий след в бурную пору царствования Ахава. Язычество ее, много харизматичное в глазах как простых, так и знатных иудеев, увлекало людей и гневало пророков, видевших в царевой супруге злейшую врагиню народа. Изрядно и надолго удалось этой женщине поколебать веру израильтян в единого Бога и отчасти возродить почитание деревянных изваяний.

Аталья с любопытством наблюдала за противостоянием и за гармонией, что уживались меж отцом и матерью. Она подслушивала их разговоры и в меру детского понимания своего пыталась постичь резон мужского преобладания. Так уж была устроена голова этого ребенка – искать рациональное. Малолеткой Аталья не находила разумного основания женской приниженности, а, войдя в года, и вовсе отвергла помыслом и делом сию нелепость.

И еще одна вещь занимала отроческий ум – отчего пророки веры, что за спиной отца нависали вечной черной тучей, непримиримы были к идолам, которым мать поклонялась? Почему один Бог – хорошо, а еще один бог – плохо? Из-за этого сыр бор? Девочка представляла себе иудейских пророков злыми демонами, мучающими любимых мать и отца. От малых лет и до конца дней она несла и пестовала в душе неприязнь к исступлению и бессмыслию.

– Чем ты озабочена, дочка? – спрашивала Изевель, наблюдая с тревогой недетскую задумчивость Атальи.

– Да всем, матушка...

– Не хочешь говорить?

– Не знаю, как выразить... Мне тебя жалко...

– Жалко? Глупая! Отец меня любит, и братья твои любят меня, и ты меня любишь, правда?

– Конечно, матушка! – вскрикивает Аталья и с поцелуями бросается на шею к матери.

– Я была уверена! А теперь хватит думать. От думанья любовь слабеет, так и знай! Давай-ка я поучу тебя читать и писать!

3

В городе Изреэле располагался летний дворец царского семейства. Сказать по правде, и не дворец это, а просто добротный и большой каменный дом. Поскольку строение принадлежало монарху, то оно хоть и не слепило глаз роскошью, но все же было лучшим в городе.

В жаркие месяцы Изевель с детьми – двумя царевичами и царевной – выбирались в Изреэль, где воздух прозрачен, и ручьи холодны, и птицы голосисты, и поля зелены, и небо ночное черно, и звезды на нем огромные, и благолепие вселяется в сердца.

Аталья с нетерпением ждала наступления жары – всю зиму напролет мечтала о летнем дворце. Благодать здесь, вот только сад перед домом маловат.

– Я кое-что задумала, дочка! – весело сказала Изевель.

– Говори скорей, матушка! – в тон воскликнула Аталья.

– Вон там к саду нашему примыкает виноградник.

– Вижу.

– Он принадлежит богатому крестьянину Навоту. Мы купим у него землю и разведем цветы!

– Как здорово!

– Навот сына женит. Пригласил на свадьбу. Жаль, отец в отъезде. Пойдешь со мной?

– Конечно, матушка!

– Преподнесем ему и сыну-жениху царские подарки, он размякнет душой и уступит нам землю, а за ценой мы не постоим.

– Какое мне платье надеть, матушка?

– Голубое. Твой цвет!

Сыновья Изевели приглашением пренебрегли. Старший Ахазья отговорился, мол, у него урок стрельбы из лука, а младший Йорам сказал, что он занят – учит щенка подавать лапу.

Аталья очутилась на свадьбе впервые. Глядела на невесту – разодела, раскраснелась, смущается. Аталья подумала, что вот, пройдет совсем немного лет, и ей такая же судьба выйдет. Она не знала, хочется ей этого или нет, но понимала – неизбежного не миновать. Боялась, что не полюбит, или любимой не станет, ибо не познала еще извивов души своей.

“Отец найдет мне пару и меня не спросит, – размышляла за праздничным столом бесправная царевна, – у него резон сухой – польза государственная, а до сердца моего ему и дела нет! Матушка говорит, что я много думаю, а мысли любви вредят. Должно быть, права она, но так уж я устроена. Мать с отцом друг в друге души не чают, а мне такого счастья не видать...” Аталья незаметно утерла набежавшую слезинку. Тут зазвучала музыка, и гости неохотно отложили ложки и оторвались от чашек.

“Сейчас покажу иудеям, как надо веселиться!” – шепнула Изевель дочери, встала со своего места и первая пустилась в пляс. Аталья зарделась от гордости – никто лучше матери не тан-

цевал. Однако, услышала за спиной, как один из застольников говорил Навоту, дескать, пусть царёва жена тешится, да на пользу нам думает, будто иудеи праздновать не умеют! Девочка оглянулась и поймала согласную улыбку хозяина.

Аталья видела, как мать говорила с Навотом, и он стал тревожен, а она – сконфужена. Возвращались домой молча. Изевель сказала дочери, что скоро приедет отец и купит у Навота землю. Когда Ахав прибыл в Изреэль, он первым делом самолично отправился к крестьянину на переговоры, и вернулся домой в недобром расположении духа, и Изевель помрачнела вслед за мужем.

А потом рабыни донесли царевне, что Навот побит камнями за преступление перед монархом, и земля казненного по закону переходит к государю. Но не увидела Аталья радости в глазах родителей, хоть и завладели они вожделенным. И не выкорчевала Изевель виноград, и не насадила цветы. Не укрылось от вострого взгляда дочки, что с тех пор пролегла тень меж отцом и матерью.

Когда подросла Аталья, призналась ей Изевель, что это она возвела клевету на невинного Навота, а отец подтолкнул ее к бесчестию. Поначалу Изевель и Ахав корили друг друга, потом каждый стал винить себя, но тень меж ними не растаяла. А еще мать остерегла Аталью на будущее, дабы никогда не доверялась продажным судьями и корыстным священникам, ибо они, разбирая дело Навота, знали, что невинную душу губят, а всё же присудили несчастного к смерти – у каждого был расчет на собственную выгоду. “Люди, что правосудием и верой кормятся, вовек не выправятся, а они народ живучий!” – поучала старшая младшую.

События эти промелькнули мимо Ахазьи и Йорама. Да и к чему будущим владыкам царства занимать ум житейскими мелочами?

4

Время шло, Аталья выросла, и Ахав иной раз грубовато намекал на неизбежное и скорое окончание девичества. Отец скажет это и хохотнет, а юница покраснеет и глядит на мать. “Что ждет меня, хорошее или плохое? Боюсь я!” – говорят ее глаза. Изевель погладит дочку по волосам, поцелует в темечко, улыбнется ободряюще: мол, все будет славно.

Здесь, пожалуй, заметим, что оба еврейских государства – Израиль и Иудея – порой огорчали Господа междоусобной враждой. Поэтому пророки Божьи много сил клали на усмирение мятежного духа неуживчивых монархов, и угрозами и посулами склоняли их к благоразумию, раздувая искры здравого смысла в коронованных головах.

Ахав и его иерусалимский венценосный ровня Иошафат – каждый себе на уме, но сражались против общих внешних врагов вместе, высоко почитая племенную солидарность. Раз возвращались оба царя с севера, где соседей воевали, и Ахав зазвал к себе Иошафата. Посетить Шомрон по пути на юг в Иерусалим – крюк невелик, зато можно вздохнуть от битв в чудном дворце слоновой кости и заодно свести знакомство с гостеприимным семейством. Жизнь учит не пренебрегать случаем, а вдруг толк выйдет?

За обеденным столом гость восседал на почетном месте. Ахав – по правую руку его. Благословение над хлебом произнес Иошафат, вино разлил по кубкам Ахав. Говорили монархи, женщины молчали, царевичи внимали. Обсуждались бои прошлые и неизбежные будущие. К концу трапезы цари захмелели. Иошафат уставился на Аталью. Ограждая невинность, Изевель заслонила собою дочку – береженого боги берегут.

- Вижу, Ахав, невеста у тебя подрастает! – сказал Иошафат.
- Наконец-то заметил! – ответил Ахав и наполнил кубок гостя и свой заодно.
- Не смущайте девушку! – вмешалась Изевель и обняла покрасневшую до корней волос Аталью.
- Стесняется она! – пояснил старший брат Ахазья.
- Притворяется! – крикнул младший Йорам и ткнул сестру ложкой в бок.
- Цыц! – прикрикнула на сыновей Изевель, – живо отправляйтесь в сад!
- Сколько лет прелестнице? – деловито спросил Иошафат, обращаясь к девице.
- Тринадцать, – ответила за дочку Изевель и крепче обняла чуть не плачущую Аталью.
- У тебя, кажется, сын одногодка нашей красавице? – воскликнул Ахав.
- Точно! Зовут его Йорам, как вашего младшего. В силу входит, – заметил Иошафат.
- Есть о чем подумать! – произнес Ахав.
- А созрела вишенка-то? – прошептал гость на ухо хозяину.
- Не знаю, вроде налилась... – тихонько ответил Ахав, – однако, вернее будет у матери спросить.
- Нечего шептаться! Рано ей еще. Придется вам потерпеть годок-другой! – сердито бросила Изевель и увела Аталью.
- Я все поняла, матушка, – сквозь слезы призналась Аталья.
- Ты у меня умница. Будет хорошо.

Оставшись наедине, самодержцы Израиля и Иудеи глубокомысленно рассуждали о пользе, какая выйдет обоим государствам, когда монархи породнятся через деток своих. Свадьба свершилась, и с этого дня Аталья была помолвлена с неведомым ей Йорамом, сыном царя Иудеи.

Глава 2 Молодая жена

1

В 13 лет Аталья, царевна Израиля, стала невестой Йорама, царевича Иудеи, равного ей годами. Нареченная узнала о решительной перемене в жизни вперед жениха, ибо, во-первых, отцы сговаривались в доме девицы, и будущий муж при сем не присутствовал, а, во-вторых, родитель его, вернувшись домой, не сразу вспомнил о заключенной им сделке.

Монархи Ахав и Иошафат не торговались о величине выкупа невесты. Отец Йорама сообщил отцу Атальи, что по приезде девы в Иерусалим молодые поселятся в прекрасном доме,

который станет собственностью новоиспеченной жены. “Замечательный моар! Правда, Изевель?” – воскликнул Ахав.

Поскольку грамота не являлась сильной стороной царского образования, Изевель предложила помощь в составлении брачного контракта. Ахав решительно отверг инициативу, с укоризной заметив супруге, что слово монарха не нуждается в подкреплении клочком пергамента, да и сама высокая и чистая цель соединения юных сердец – укрепить союз двух единоплеменных государств – может быть лишь опошлена торгашеской писаниной.

Итак, два события – принятие бремени заповедей и жениховство – случились у тринадцатилетнего принца почти одновременно, а назначенная ему принцесса уж год как была совершеннолетней. По слову Изевели личные обстоятельства Атальи требовали помедлить с бракосочетанием. Ввиду деликатности материи, кто решился бы возразить матери невесты? Устами матроны вещали голоса древних устоев и природы человека.

Четыре года минули со дня помолвки до свадебного торжества. Хватило бы и двух лет, но государственной важности неотложные деяния отцов стали уважительной причиной задержки. Однако, не беда – и в 17 лет еще не поздно вступать в брак.

Существует мнение, что девушки опережают юношей в развитии. Сие правильно статистически, а, значит, не абсолютно. Вероятно, зрелостью духа Аталья изрядно превосходила Йорама, но последний оставил ее далеко позади в плотских своих устремлениях, и в настоящем и в будущем веско доказывал свой перевес в этой сфере.

Дабы в головах читателей не случилась путаница, впредь будем называть израильского Йорама, брата Атальи, – “брат Йорам”, а иудейского Йорама, мужа Атальи, – “муж Йорам”.

2

Караван медленно двигался из Шомрона в Иерусалим. Запряженные в повозки быки везли провизию – путь-то не короток. На осликах тряслись слуги и рабы. Верблюды были навьючены тюками с женской и мужской одеждой – наряды к свадебному торжеству. Не забыты и подарки жениху и родне его. Охрана шествовала в хвосте и в голове каравана. Дозорные без усталости вертели головами – высматривали разбойников. В безопасном центре гужевого и человеческого поезда могучие эфиопы несли два белых паланкина. В одном сидела Аталья, в другом – Изевель. Каменистая дорога не скупилась на колдобины. Животные и люди уставали быстро, часто устраивались привалы. В пути не как в жизни – все наоборот: ждешь конца и не боишься его.

Ахава не было среди путников – он, как обычно, воевал и намеревался присоединиться к каравану на подходе к Иерусалиму. Вышло так, что оба монарха – сражавшиеся бок о бок Ахав и Иошафат – завидели процессию у самых стен столицы Иудеи. Вовремя поспев, они самолично налегли один на правый створ городских ворот, другой – на левый, и впустили дорогих гостей.

Впереди толпы встречавших стоял жених. Он не отводил взор от двух паланкинов, надеясь, что невеста предусмотрительно невзначай приоткроет шторку, и он краешком глаза узрит ее. Но этого не случилось. Зато Изевель широко раздвинула занавеси и воздушными поцелуями приветствовала хозяев. Теперь жених точно знал, где находится Аталья. Ей тоже не терпелось посмотреть на суженого, но она стеснялась выказать любопытство, и хрупкая обитель ее оставалась непроницаемой взгляду.

Двух дней отдыха после утомительного пути гостям хватило для освежения, восстановления, обретения, оживления и прочее и прочее. Подарки были преподнесены, наряды приготовлены, завязка состоялась. Главным пунктом ее стало знакомство молодых виновников торжества. Физиономия жениха выражала умеренное довольство. Лицо невесты пылало, взгляд потупился, а что творилось в сердце девы – нам не ведомо.

3

Бесконечно долго, без малого неделю тянулся свадебный пир. Разумеется, новоиспеченная жена была отдана в объятия исполненного нетерпением мужа в первый же вечер праздника. Однако, как много времени надобно для убаготворения тщеславия пирующих, и сколько яств потребно для насыщения жадных желудков! Против собственного ожидания Аталья без потрясения приняла метаморфозу, но не хватало ей тишины в переломные первые дни новой жизни.

Иошафат гордо показывал Ахаву и Изевели дом новобрачных. Родители Атальи остались весьма довольны – стены возведены из крепких тесаных камней, потолки и пол укрыты кедровыми досками, комнаты выбелены известкой, на крыше устроены шалаши для спанья в жару, подведена проточная вода.

– Видишь, Изевель, что значит слово царское! – воскликнул Ахав и обнял за плечи Иошафата, – а ты уж собралась чернила изводить!

– Сад здесь насадим, вон сколько места! – заметил польщенный похвалой Иошафат.

– Хороший дом, – согласилась Изевель, – но навсегда ушла от нас доченька, – добавила родительница и провела ладонью по глазам.

– Видеться будете с дитем дорогим! – заверил Иошафат, – мы всегда рады вас принять, да и Аталью на побывку отпустить станем!

– Отныне дом сей – частица Израиля в Иудее! – подмигнул северный монарх южному.

– Отныне Аталья твоя – залог единства наших царств! – подхватил Иошафат.

– Да не забудут нас боги и приумножат залог! – добавила Изевель, покосившись на безмолвную Аталью.

– Помнит Бог народ свой! – сказал Иошафат, украдкой взглянув на Изевель, и искра недовольства промелькнула в глазах его.

– Плодитесь и множьтесь, детки! – поторопился воскликнуть Ахав, и поцеловал в лоб молчавшего мужа Йорама, и фамильярно погладил Аталью по плоскому пока животу ее.

Рассеялся угар торжеств, и собрался в обратный путь израильский караван. Как и в прямую дорогу, быки повезут на повозках провизию, которой новая родня щедро снабдила уезжающих. Верблюды будут привычно покачивать меж горбами тюки с одеждой. На осликов взгромоздятся слуги и рабы, грустящие о доброй госпоже, покинутой ими в чужом краю. Мускулистые эфиопы рады облегчению – теперь им нести лишь один паланкин. Мать и дочь

обнялись и нежно утирали друг другу слезы. Ахав тут же переминался с ноги на ногу. Иошафат и муж Йорам стояли поодаль. Аталья оставалась одна в новом мире.

4

Довольно скоро открылось Аталье пренеприятное обстоятельство. Муж Йорам сообщил ей, что она у него не единственная, а есть у него не то жёны, не то наложницы, и молодость дарованию не преграда, и грех не разжечь в душе зароненную Господом искру любвеобилия. При сем не нарушал он законов Божьих и человеческих и не имел намерения причинить зло молодой жене.

Ей ли, юной и слабой, менять ход вещей в этом мире? Она подумала об отце. Ахав бывал груб, случалось – пьян, а любил только Изевель и к другим феминам не тянулся. Матери выпал счастливый жребий – как не позавидовать?

Подчиняясь жестокости, сердце ожесточается. В смиренной душе сосуществуют кротость и злопамятство.

Вскоре Аталья поняла, что понесла. Беременность не была ей тяжела, только не хватало материнского участия. Верный, как всегда, слову монарха, Иошафат послал за Изевелью. Благодарный муж Йорам не возражал повстречаться с тещей, ибо не имел предубеждений против этой категории родни.

Изевель приехала и затопила дочку любовью и советами. Однако о кручине своей Аталья ничего не сказала. Гордилась? Стыдилась? Она и сама не знала. И все же пронизательное око матери узрело то, о чем молчала дочь. Взавши в расчет выражение довольства на физиономии мужа Йорама и вид тусклых глаз Атальи, бдительная Изевель догадалась, что дочь не наследовала ее счастливую судьбу. “Стерпится!” – подумала не изведавшая злосчастья родительница.

5

Две повитухи и придворный лекарь содействовали появлению на свет нового потомка древнего рода Давидова. Никому наперед не известно, какого пола дитя исторгнет чрево материнское – половина на половину. Все меры вспоможения были взяты на случай рождения будущего воина. Вопреки мнениям века, Аталья мечтала о девочке, хоть и не сомневалась, что и мальчика полюбит.

Первородящую заботливо усадили в паланкин и переправили в царский дворец Иошафата, где существовала особая комната, предназначенная для встречи пополнения правящего семейства. Повитухи велели Аталье опуститься на колени. Они поддерживали стонущую роженицу, а в это время целитель поил ее из ложки особым питьем, успокаивающим боль и ускоряющим развязку. Тайну приготовления снадобья ему открыл на смертном одре его отец, и настанет день, и секрет перейдет к сыну.

Счастливой страдалнице стало невмоготу опираться коленями о камни, и ее усадили на скамью, нарочно прилаженную для трудных родов. По истечении нескольких жестоких часов Аталья опросталась. Пол малютки огорчил новоиспеченную мать, впрочем, не долее, чем на минуту. Бог дал царя и воина – чем не радость? Громкий плач будущего монарха утешил обесиленную роженицу. Поцеловав дитя, Аталья забылась коротким сном.

Спокойный за благополучие младенца, придворный лекарь с грустью сообщил матери, что имеется изъян в чреве ее, и посему ей не судьба вновь зачать. “Сын этот будет единствен-

ным моим чадом, – всплакнула Аталья, – всю любовь, на какую способно сердце мое – ему отдам!”

Прав оказался знаток тела человеческого, и не рожала больше Аталья. Случись малодетность у женщины простого звания, и была бы это лишь ее печаль. Но кручина у царственной особы кольнет не только её, ибо если родится владыка, дела его многих заденут, а не родится – то и отсутствие деяний не меньшую силу возымеет.

На восьмой день появления младенца на свет, над ним свершено было священнодействие приобщения к народу Авраама. Исполнители заповеди, высшие служители Храма, пели гимны во славу Господа и поздравляли осчастливленную родительницу. А Аталья, безучастная к значимости события, страдала за причиненную младенцу боль. Получив из грубых мужских рук надрывно плачущее дитя, она подхватила сверток нежными ручками и поторопилась скрыться от лишних взоров, и дала пострадавшему грудь, и тем утетила крошку.

Новорожденный получил имя Ахазья. Автор сочувствует читателю: еще один Ахазья! Но что поделаешь? Факты каменно тверды и сомнения не уместны. В новейшей истории много спорного и туманного, и посему ее переписывают, а героев переименовывают. Седая старина пряма и прозрачна, и мы не покусимся на анналы древности. Ясности ради, далее станем величать Ахазью, израильского брата Атальи – “брат Ахазья”, а сына Атальи – “сын Ахазья”.

Узнав от гонца о событии, Изевель снова заторопилась в Иерусалим – поддержать дочку и познакомиться с внуком. Вознамерились присоединиться к матери брата Ахазья и Йорам.

Скореходы помчались на север, чтобы известить сражавшихся плечом к плечу Ахава, Иошафата и мужа Йорама.

Глава 3 Будни царей

1

Царевич растет, мать воспитует дитя, отец и деды воюют с соседями. Тривиальные дворцовые будни, проза и поэзия монархов, мелькание корон и мечей – всякие оттенки обыденности.

Пожалуй, царь Ахав – самый славный израильский полководец своей години. Хотя военный успех не всегда сопутствовал храброму ратнику, и спотыкался он порой о камни маловерия, однако, искренность бесстрашия и подвижничество отчизнолюбия умаляют неудачи и обеляют грехи.

Всю свою боевую карьеру Ахав воевал с Бен-Адаром, одним из арамейских царей, что правил в древнем городе Дамаске. Воспоминания о битвах – первейшая души отрада равно солдата и полководца. Ахав не был исключением и по счастью не испытывал недостатка в сочувствующих слушателях.

Бывало, Ахав с Изевелью наведаются в Иерусалим, дабы навестить дочь и внука. Радужный Иошафат усадит визитеров за стол и самолично станет управлять слугами, вносящими в трапезную перемены блюд. Ахав был не врагом, но скорее другом доброго вина, а хозяин зорко следил, чтобы не пустовал кубок гостя. Пируя от души, почувствует, наконец, Ахав, что благотворная жидкость порядочно освежила память и вдохновила язык, и тогда он отверзнет уста.

Милостью судьбы Изевель слыхала правдивые мужнины рассказы многократно, благодаря чему достаточно хорошо усвоила женским своим умом дислокацию армий, а также начало, ход и окончание битв. Так она понимала: путь политического союза – война и насилие. Она брала на колени маленького Ахазью, играла с внуком, кормила из ложки, сюсюкала тихонько. Но все же одним ухом прислушивалась к повествованию, ибо всякий раз открывались новые детали. Аталья и муж Йорам внимали с почтением. Иошафат задавал уточняющие вопросы и, как коллега-ратоборец, вставлял замечания знатока. Воспроизведем одну из застольных бесед.

2

– Я со своей армией охранял северные рубежи Израиля, – начал Ахав, – а тем временем Бен-Адар, владыка Дамаска, собрал войско в тридцати двух малых царствах, ему подчиненных, и двинулся к нашим границам. Он окружил мою столицу Шомрон и осадил город. На другой день явились ко мне посланники коронованного стяжателя, и передали мне на словах, дескать, мое серебро станет его серебром, мое золото будет его золотом, а мои жены – его гарем украсят. И еще сказали гонцы, чтобы я готовился к встрече слуг государя арамейского – они унесут все, что дорого глазам их.

– Я держал совет со старейшинами и с сотниками, и все в один голос заявили, чтобы я не соглашался на унижение и отослал бы людей Бен-Адара, не солоно хлебавши. Тогда грабитель сей послал остережение, мол, боги его обещают, что пепла от сожженного им Шомрона достанет по горсти каждому солдату его”.

– А я не испугался пустых угроз и снова созвал совет, и было решено затеять бой...

– Извини меня, Ахав, – вмешался Иошафат, – мне кажется, ты случайно упустил одну подробность!

– Какую подробность, достойнейший Иошафат? – спросил Ахав, и в голосе угадывалось недовольство.

– К тебе подошел пророк Господа нашего, и от имени Его настроил тебя на сражение и обещал победу! – торжественно произнес Иошафат.

– Да, так и было, – признал Ахав и продолжил, отхлебнув из кубка, – а пока я считал своих бойцов и собирал силы, хвастливый Бен-Адар, полагая, что Шомрон у него в кармане, учинил в своем шатре знатный кутеж, и все тридцать два царя напились вином допьяна. Мы же, люди трезвой повадки, с великим тщанием готовились к наступлению. И тогда я сказал поучительные слова своим воеводам: “Хвалился пес, да волки сожрали!”

– Правильно! Не говори “Гоп!” пока не перепрыгнул! – поддакнула мужу Изевель, желая подтвердить свое участие в беседе.

– Я с верным войском моим бесстрашно бросился в дерзкую атаку, – продолжал Ахав, – и в кровопролитном бою одержал безоговорочную победу. Арамейцы кинулись наутек, а мои доблестные бойцы преследовали бегущих и убивали мечами. Обильны были наши трофеи – лошади, колесницы, оружие, кольчуги.

– Теперь расскажи нам о судьбе поверженного тобой Бен-Адара, – подсказал Иошафат.

– Единственный, кто спасся – это Бен-Адар, – ответил Ахав, – хитер был, собака, умудрился скрыться! По прошествии года он сумел собрать новую армию и приготовился воевать со мной, но я вновь его одолел!

– Любезный гость мой! – вмешался Иошафат, – ты, кажется, опять забыл упомянуть важнейшую вещь. Позволь, я добавлю. Перед вторым решительным боем, снова подошел к тебе пророк Господа нашего, и сказал, мол, Бен-Адар не признал иудейского Бога за единственного и всесильного, назвав Его богом гор. И за эти слова бесчестья, Он наказует языческого царя и отдает его в руку твою, то бишь дарует тебе победу. И свою речь пророк заключил вдохновенными словами: “Смелее вперед!”

– Верно, достойный Иошафат! – не слишком охотно признал Ахав, – и, сошлись, стало быть, в бою две великие дружины, и сыны Израилевы побили арамейцев. Сто тысяч пеших зарубили мы в один день. Остатки вражеского полчища пытались бежать, но обрушилась на них стена каменная, и еще двадцать семь тысяч трупов легли под обломками. А ловкий Бен-Адар вновь ускользнул от меня!

– Бен-Адар укрылся в Дамаске и дрожал от страха за свою нечестивую душу. К нему явились его царедворцы, и сказали, дескать, слышали они, что цари Израильские сердобольны и не злопамятны. И ежели пасть ниц перед лицом победителя и покаяться, то пощадит великодушный и не обезглавит. И Бен-Адар послушался советов, и пришел ко мне, и молил сохранить ему жизнь.

– А я не стал заноситься перед поверженным, и помилосердствовал, и не попрекнул. Я говорил с ним, как с достойным противником, и усадил рядом с собой в колесницу, и мы проехали по улицам Дамаска. И умный Бен-Адар смекнул, чего я жду. Он вернул мне города, что когда-то захватил у Омри, моего отца, то есть деда твоего, Аталья. И он отдал мне в аренду широкие мощеные площади в своей столице для устройства рынков. И я принялся торговать, как у себя Шомроне, наживаясь и процветая. А потом мы заключили союз...

– Пожалуй, я продолжу, – сказал Иошафат, заметив, что Ахаву становится все трудней говорить складно, – и заключили вы с Бен-Адаром союз и возглавили армию двенадцати монархов против нашествия Шалмансара, царя Ашура. Ни одна из сторон не одержала верх, но завоеватель был остановлен.

– Договоры, что не воинской честью, а торгашеской корыстью заключаются – не крепки, хоть и принимаются с помпой, – с грустью заметил Иошафат, – потому короток был век союза меж Ахавом и Бен-Адаром. Еще продолжалась война с Ашуром, а арамейцы вновь покусились на Израиль. Говорят же мудрецы наши, что не отмыть арапу черноту свою, и с леопарда не сойдут пятна.

– Горбатого могила исправит! – по-простецки вставила Изевель.

– Однако, Изевель, на сей раз муж твой был не одинок. Верно, Ахав? – обратился Иошафат к задремавшему царю Израиля, – мы воевали вместе, и мощь наша умножилась!

– Я спросил Иошафата, – собравшись с силами, выговорил Ахав, – пойдет ли он со мной на войну, и ответил мне так царь Иудеи: “Как ты – так и я, как твой народ – так и мой народ, как твои кони – так и мои кони!” И у меня потекли слезы из глаз, и я обнял за плечи доблестного

Иошафата, вот как сейчас это и делаю, – и Ахав попытался повторить жест благодарности союзнику.

– Мы – единое племя! – торжественно провозгласил владыка Иудеи, легонько отстраняя царя Израиля, – нам жить, страдать и бороться вместе! Враги наши не угомонятся вовек. И тебе, Йорам, и тебе, юный Ахазья, придется много воевать и с Ашуром, и с Дамаском. И на долю потомков ваших выпадет довольно битв с соседями всех родов, и будет так до прихода Спасителя. Много крови прольется, и несчетно святых душ переселится в рай!

3

Рассказы отца Аталья слушала рассеянно, предаваясь собственным раздумьям, а хмельная речь Ахава мерно шуршала позади мыслей ее. Она размышляла о людях вокруг, но больше всего думала о себе самой. С отрочества занимали ее головоломки любви: “Кто меня любит? Мать с отцом, муж, сын, еще кто-то? А я люблю их? И знают ли они о существовании любви? Сама-то я не обделена умением любить? Может, любовь – пустая придумка, звонкое слово, ходячая монета?”

Отроковицей Аталья была уверена в горячей любви своей к отцу и к матери. Нынче молодая женщина честно признается себе, что для родителей мало тепла осталось в сердце ее. Когда появился на свет Ахазья, а царский лекарь уведомил, мол, из-за порчи в чреве не судьба ей снова понести, она поклялась затопить любовью единственное чадо. Теперь молила богов, чтоб навек сохранили в ее душе место для сына.

“Видно, природа одарила меня разумом щедрее, чем нежными чувствами, – без сожаления думала Аталья, – вот и славно! Недоброе, жестокое поприще я вижу вокруг. Жадность до власти, золота и почестей. Холодный расчет и коварство. Реки крови и море лицемерия. Я живу в этом мире, иного не будет, и в согласии с ним должна пройти свой путь”.

Аталья с почтением подумала об отце. “Он не обижал мать, она у него единственная женщина, и Бен-Адар напрасно рассчитывал пополнить свой гарем – не было и нет у отца наложниц. Ахав честен, не в пример мужу Йораму.” Может быть, узаконенная неверность супруга и самодовольство мужскою силой и положили начало разочарованиям Атальи?

В юности Аталью умиляла любовная гармония меж родителями. Но когда повзрослела, донесли ей, что отец женился на матери с намерением политическим. Взял в жены дочь царя цидонского во имя торговой выгоды и ради замирения с соседом. Удача повернулась лицом к царственной чете, и пришла любовь. Да ведь это случай! Увы, счастливый жребий не выпадает дважды одной семье. Выданная с расчетом, Аталья познала ревность – и только. Братание двух государств, Израиля и Иудеи, она не приняла взамен девических мечтаний о любви, а чудо Изевели и Ахава не повторилось.

Мысленно блуждая в труднопроходимых дебрях добра и зла, Аталья заключила как-то раз, что ежели обретение выгоды сопряжено с грехом, то раскаяние, пусть случится таковое, не осветлит, а замутит душу. “Вот, скажем, – вспоминает Аталья, – мать приказала старейшинам вершить неправый суд над Навотом, дабы завладеть его садом, а отец намеком молчания подстрекнул жену к злему делу. Потом оба угрызались, и каждый всю вину на себя брал, и даже не воспользовались они несправедно обретенной землей – а толку ничуть! Былое чувство меж ними омрачилось, и подозрительность взаимная тут как тут!”

Не спросивши Аталью, отцы сосватали ей Йорама. “Намерения у царей благими были – это ценить надобно, – размышляла она, – ведь жертвенное замужество мое – мира залог!”

Прежние правители, хоть Израиля, хоть Иудеи, умом-то понимали, что негоже с родичами воевать, а шип властолюбия колот сердца, и никак не удавалось истребить крамольную мысль, мол, недурно бы объединить оба царства под одной короной. А ведь это означало бы войну братоубийственную!

“Честь и хвала взошедшим на престолы Ахаву и Иошафату – отыскали решение труднейшей задачи – равноправный союз вместо объединения!” – подумала Аталья.

Аталья любила мир – воплощение здравого смысла, и презирала войну – исчадие абсурда. Не оттого ли сердце ее благоволило женской мягкости и благоразумию и отторгло мужское дикарство и безумство?

Охотница до наблюдений, она замечала, что нет на земле ни белого, ни черного, а только всё переменчиво, а в добром всегда сыщешь злое и наоборот, ибо всяк на свой локоть мерит и вместе прав и неправ. Она искала и находила подтверждения своим мыслям.

“Ахав – иудей, – рассуждала Аталья, – женился на Изевели, а она язычница неисправимая. В награду за их смелость благодать мира воцарилась меж Израилем и Цидоном. Но мир сей родил войну. Исступленные пророки израильские проклинают мать, а отца корят за отступничество от Бога и грозят ему карами небесными, того и гляди к речам мечи прибавят. Жрецы богов материнских хоть и терпимее пророков, но народ свой заперли в темнице суеврий. Что черное, что белое? Где доброе, где злое?”

Аталья была изрядно предубеждена против поклонения и Богу и богам, и подозревала жестокость, лицемерие и корысть в служителях веры. А те в свою очередь неустанно твердили, мол, безбожники обречены на неведение, и, стало быть, несчастны. Пока не решила для себя Аталья, которые из них – пророки или жрецы – опасней и злотворней.

Глава 4 Не всё по горю плакать

1

Как человек праведный и богобоязненный, Иошафат, царь Иудеи, придавал чрезвычайное значение судьбоносной семейной дате – вступлению внука Ахазьи в возраст совершеннолетия. “Тринадцать лет – пора отвечать за свои поступки перед верой отцов!” – строго изрек Йорам, отец виновника торжества. “Он теперь и жениться вправе!” – заметил Иошафат, потрепав по плечу Ахазью и подмигнув Аталье.

Нарядившийся в праздничные одежды, поздравлял и напутствовал Ахазью первосвященник храма. Дворцовая челядь сделала сбор и преподнесла принцу лук, стрелы и меч. Отец подарил сыну отлично выезженную кобылу четырехлетку. Она заменит низкорослого жеребца, верно служившего мальчику в ту пору, когда он только обретал сноровку верховой езды. Нынче юноша уверенно держится в седле, метко стреляет из лука, да и с мечом управляется недурно. “Хороший вырастет рубака!” – говорят знатоки.

Воистину царский дар пожаловал будущему воину дед Иошафат – боевую колесницу, что помчит будущего героя навстречу победам. Расписана она, разукрашена, раззолочена, а, главное, добротна и прочна – сносу не будет! Иошафат доверительно сообщил Ахазье, что второй дед уже в пути и везет из Шомрона кое-что интересное.

Святая Иудея – не беспутный Израиль. Посему пророки, царем призванные на торжество, наставляли Ахазью не только на ратный труд, да на защиту границ и расширение оных, но и на служение Богу единому и соблюдение заповедей Его.

Аталья невольно вспомнила, каким неприметным было празднование в Шомроне совершеннолетия брата Ахазьи. Не любившая иудейские обычаи, Изевель не устроила пышного торжества. Сыну Ахазье выпало больше удачи и подарков, и сердце матери радовалось. “Чем ублажить мальчика? – думала Аталья, – пожалуй, преподам ему грамоту. Когда-то мать меня выучила, а я сыну факел передам. Пусть в царском доме хоть один вояка умеет читать и писать!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.